

ВЫЖИВШИМ

Раньше я винила себя, что делала недостаточно.

За то, что не ушла раньше. Не давала сдачи.

Не пыталась бороться.

Теперь я стала добрее к моей более юной версии.

Теперь я верю, что просто выжить — это уже очень много

ОТ АВТОРА

В этой книге затронуты темы физического, эмоционального и сексуального насилия, присутствует описание смерти животных и графическое насилие. Некоторые из сцен могут быть тягостны для читателей. Написание книги и подробное погружение в эти темы было частью моего собственного пути к исцелению.

Мои отношения с отцом оказались непростыми. Будучи трезвым, он выказывал мне разочарование, а когда пил, то издевался эмоционально и физически. Сцены на кухне у Челси основаны на том, что пережили мы с мамой. Папу у нас в городе так любили, что никто нам не верил. Со стороны наша семья казалась идеальной.

Когда мне исполнилось восемнадцать, мы с мамой наконец уехали, и я познакомилась с удивительным психотерапевтом Бетси. Не могу вспомнить ее фамилию и все ее регалии, но она была первой, кто сказал: «Ты ведь понимаешь, что стала жертвой домашнего насилия? Твой отец просто издевался над тобой». До той минуты я не понимала ничего. Мне казалось, что я живу нормальной жизнью. Бетси сделала так, что мой отец начал ходить на собрания анонимных алкоголиков и в конце концов бросил пить. Насколько я знаю, он больше не употреблял алкоголь, но в остальном не изменился до самой смерти — все так же пытался всех контролировать и манипулировал эмоциями окружающих. Как гласит молитва нарциссиста, этого не было; если было, то не страшно; если страшно, то не заморачивайся; а если заморачиваешься, то я ни при чем.

В 1995 году, когда мы с мамой уехали от отца, интернет еще не хранил ответы на любые вопросы, так что я благодарна семье и друзьям, которые помогали. Которые спасли нас. Абьюзеры часто лишают нас поддержки близких, но на самом деле люди готовы помочь. Если вы столкнулись с жестоким обращением — не стесняйтесь обратиться за помощью. Вы не одиноки.

Первый зарегистрированный случай проявления Ярости
произошел во вторник, 15 апреля 2025 года.

Рут Бельмонт из Ленд-о-Лейкс, штат Флорида,
покупала продукты в магазине и собиралась положить
в тележку банку майонеза.

Эта миролюбивая и очень религиозная старушка вдруг
уронила майонез, потянулась за соусом «Тысяча островов»
и со всей силы ударила другую покупательницу,
двадцатичетырехлетнюю Мелиссу Мендоса. Маленький
сын Мендосы все это время сидел в коляске и молча
наблюдал, как пожилая женщина забила до смерти его мать
бутылкой соуса. Когда Мендоса испустила последний
вдох, Рут Бельмонт поставила бутылку на место, взяла
новую и намеревалась продолжить покупки. Полицейские
повалили ее на пол, она кричала и плакала, что ни в чем
не виновата. Всю эту ужасную сцену запечатлели камеры
магазина. Когда Ярость признали болезнью, Бельмонт
освободили из-под стражи. На данный момент она судится
со штатом, требуя возмещение ущерба в размере
1,3 миллиона долларов (в том числе за сломанную
ключицу). Тем, кто заболел позднее, повезло меньше.

ЧАСТЬ I

1.

Челси Мартин сидит в лучах идеального солнца, за своим идеальным кухонным столом и смотрит на листок бумаги, который вот-вот разрушит ее идеальную жизнь.

Недостаточно средств на счете? Невозможно!

Дэвид, ее муж, финансист, он управляет их банковскими счетами — должно быть, произошла ошибка. Она уже раз сто перечитала напечатанное на листке безличное обращение. В желудке ворочается что-то неприятное, выпитый кофе просится наружу. Нет, это еще не паника, но Челси далеко не в порядке.

Если бы у них были проблемы, сказал бы ей об этом Дэвид? Она смотрит на экран телефона и раздумывает, как бы лучше задать вопрос, чтобы не обидеть мужа. Сообщение безопаснее звонка, ведь он ненавидит, когда у нее дрожит голос. Она слишком легко ударяется в слезы; невозможно толком поговорить, когда она вся на эмоциях, — так утверждает Дэвид.

Нет-нет, оно того не стоит. Он придет домой, увидит бумагу — и разберется со всем. Пусть злится на банк, а не на гонца, который принес плохую весть. Пусть злится вечером — лишь бы только не сейчас *и* вечером в придачу. Челси неосознанно прикладывает руку к горлу, страшась грозы, которая непременно разразится, когда муж вернется с работы.

Определенно не стоит беспокоить его сейчас.

Челси пытается сосредоточиться на том, чем занималась до того, как пришло письмо, но это бессмысленно. От того, что она зайдет на веб-портал и посмотрит обязательное еженедельное видео «Давайте продавать мечты!», ей станет только хуже. Подписывая контракт на продажу эфирных масел «Дрим Виталити», Челси рассчитывала, что обретет независимость (хоть немного!), что у нее будет собственное дело, которым можно гордиться. Теперь, глядя на деревянный

ящик, забитый крошечными фиолетовыми бутылочками — полными, неоткупоренными, уже запылившимися, — она мечтает никогда больше не слышать запах бергамота.

В холле ждет очередная картонная коробка — их приносят каждый месяц, и на каждой пропечатана чересчур оптимистичная надпись: ДОСТАВКА МЕЧТЫ! Однако спустя год бесплодных попыток сбыть продукт, который должен расхотиться сам собой, Челси наконец готова признать поражение. Да, у нее *была* мечта: организовать собственный бизнес, накопить денег, примкнуть к сообществу умных, целеустремленных женщин. Вместо этого она оттолкнула друзей навязчивыми постами в соцсетях, поставила в неловкое положение дочерей и пережила массу унижительных вечеринок и детских утренников, на которых могла продемонстрировать гостям лишь бесконечные коробки эфирных масел, которые сама не в состоянии сбыть даже по себестоимости. Еще до сегодняшнего уведомления о превышении лимита (разумеется, ошибочного!) Челси волновалась, что сняла в этом месяце со счетов куда больше, чем позволяет ее строго оговоренный бюджет, и, когда Дэвид обнаружит это, будет... плохо.

И ужаснее всего: эта попытка стать предпринимателем показала, что большинство ее «друзей» в интернете на самом деле вовсе ей не друзья. Ни лайков, ни репостов, ни покупок, ни отзывов! Ее посты просто игнорировались. Единственная опора — онлайн-группа таких же, как она, отважных мам, где можно писать только слова поддержки. Порой Челси мучает вопрос: ощущают ли все остальные участницы сообщества ту же чудовищную усталость, отрезанность от мира и тотальное одиночество?

Подразумевалось, что этот маленький бизнес поможет ей прийти в себя, — но неприятностей стало вдвое больше.

«Соберись, тряпка!» — твердит она себе самой. — Это всего лишь масло!»

Эта мысль тоже не слишком утешает.

Она зарывается пальцами в волосы — с каждым годом они все сильнее походят на материнские, а ее стилисту все

чаще приходится закрашивать седину (процедура эта носит какое-то французское название, что увеличивает стоимость окрашивания вдвое). За панорамным окном сверкает бассейн, но, увы, нельзя с разбегу прыгнуть в него — ведь прическа превратится в соломенный стог, а идеальный цвет неизбежно потускнеет. Челси окидывает взглядом деревянные стены, гранитные полы, винтажные лампочки, диванные подушки цветов сезона. Все идеально. Все *неправильно*.

Даже белоснежная собака, сопящая на такой же белой (в тон) собачьей кровати, — бесшерстный бишон-фризе по имени Олаф, и стоил он больше, чем первая машина Челси, ведь Дэвиду невыносима была даже мысль о собачьей шерсти, которая непременно будет собираться комками по полу. Бедный, милый Олаф! Он так боится хозяина, что большую часть времени проводит, прячась в кладовых и гардеробных. Этот идеальный Олаф принес в их жизнь массу врожденных неврозов, нервного тьяканья и внезапно возникающих луж мочи.

Такой большой, просторный дом, полная противоположность убогих квартир, в которых росла Челси. Он должен радовать глаз, но стены давят на нее бесконечной лавиной забот: одни вещи надо гордо выставить напоказ, другие спрятать от чужого взгляда — все должно работать идеально. Ей и в голову не приходило, что гигантский дом будет ощущаться тесной ловушкой.

Челси наливает себе еще чашечку кофе (который едва ли справится с ее глубоким волнением), и в этот момент раздастся звонок в дверь. Напряжение окутывает ее целиком. Она просматривает настенный календарь: внизу, возле дат, — никаких пометок, наверху — сплошь фотографии членов семьи в одинаковых накрахмаленных белых рубашках. Никто не должен прийти работать по дому, доставку она тоже не ждет. Из-за «Дрим Виталити» и Дэвида большинство ее старых друзей держатся на расстоянии — стало быть, звонку может быть только одно объяснение. Ноги несут Челси прочь из просторного фойе в прачечную: окна там расположены слишком высоко, так что с улицы не разглядеть, что она

прячется внутри. Дверь гаража заперта. Ничто не выдаст ее присутствия.

И тут смартфон в руке вибрирует, и на экране высвечивается сообщение: *«Я знаю, что ты дома»*.

Прачечная отпадает. Вернувшись на кухню, Челси залпом допивает кофе и с силой ставит серую керамическую кружку на стол, да так, что светлая жидкость выплескивается через край, прямо на черный гранит. Она спешно забегает в огромную ванную, расчесывается, подкрашивает губы. Тушь потекла, но совсем чуть-чуть, и голубые глаза кажутся еще шире — Челси по очереди прикладывает салфетку к нижним векам. На рубашке обнаруживается крошечное кофейное пятнышко, поэтому она надевает другую и вставляет в уши бриллиантовые серьги. Среднего размера: не настолько маленькие, чтоб казались повседневными, но и не огромные, которые выдали бы излишнее старание.

Стук в дверь, такой легкий и веселый.

Тук-тук-тук.

«Это всего лишь я, твой маленький старый друг, — словно говорит этот стук. — Это крошечный дружеский визит».

Будь у злостного нарциссизма руки, он стучал бы именно так.

Зная, что если она не поторопится, то за стуком последует шелест откинутого коврика у входа, а за ним скрежет поворачиваемого в замке запасного ключа, Челси перескакивает по керамическим плиткам, приникает к глазку, чтобы убедиться, — и открывает дверь. На лице у нее улыбка из тех, с которыми небольшие шимпанзе встречают более крупных особей за секунду до того, как им оторвут конечности.

— Что-то долго ты, — вместо приветствия произносит Патрисия Лейн и улыбается Челси правильной и вежливой улыбкой, как у крупной первобытной обезьяны, которая непременно свалит вас ударом от бедра. — На улице градусов тридцать, и это в апреле! Повезло, что я не растаяла прямо на пороге.

«Ведьмы тают под дождем, а вовсе не на солнце, — думает Челси, но ничего не говорит вслух. — А ты всю жизнь прожи-

ЧАСТЬ I

1.

Челси Мартин сидит в лучах идеального солнца, за своим идеальным кухонным столом и смотрит на листок бумаги, который вот-вот разрушит ее идеальную жизнь.

Недостаточно средств на счете? Невозможно!

Дэвид, ее муж, финансист, он управляет их банковскими счетами — должно быть, произошла ошибка. Она уже раз сто перечитала напечатанное на листке безличное обращение. В желудке ворочается что-то неприятное, выпитый кофе просится наружу. Нет, это еще не паника, но Челси далеко не в порядке.

Если бы у них были проблемы, сказал бы ей об этом Дэвид? Она смотрит на экран телефона и раздумывает, как бы лучше задать вопрос, чтобы не обидеть мужа. Сообщение безопаснее звонка, ведь он ненавидит, когда у нее дрожит голос. Она слишком легко ударяется в слезы; невозможно толком поговорить, когда она вся на эмоциях, — так утверждает Дэвид.

Нет-нет, оно того не стоит. Он придет домой, увидит бумагу — и разберется со всем. Пусть злится на банк, а не на гонца, который принес плохую весть. Пусть злится вечером — лишь бы только не сейчас *и* вечером в придачу. Челси неосознанно прикладывает руку к горлу, страшась грозы, которая непременно разразится, когда муж вернется с работы.

Определенно не стоит беспокоить его сейчас.

Челси пытается сосредоточиться на том, чем занималась до того, как пришло письмо, но это бессмысленно. От того, что она зайдет на веб-портал и посмотрит обязательное еженедельное видео «Давайте продавать мечты!», ей станет только хуже. Подписывая контракт на продажу эфирных масел «Дрим Виталити», Челси рассчитывала, что обретет независимость (хоть немного!), что у нее будет собственное дело, которым можно гордиться. Теперь, глядя на деревянный

ящик, забитый крошечными фиолетовыми бутылочками — полными, неоткупоренными, уже запылившимися, — она мечтает никогда больше не слышать запах бергамота.

В холле ждет очередная картонная коробка — их приносят каждый месяц, и на каждой пропечатана чересчур оптимистичная надпись: ДОСТАВКА МЕЧТЫ! Однако спустя год бесплодных попыток сбыть продукт, который должен расхотиться сам собой, Челси наконец готова признать поражение. Да, у нее *была* мечта: организовать собственный бизнес, накопить денег, примкнуть к сообществу умных, целеустремленных женщин. Вместо этого она оттолкнула друзей навязчивыми постами в соцсетях, поставила в неловкое положение дочерей и пережила массу унижительных вечеринок и детских утренников, на которых могла продемонстрировать гостям лишь бесконечные коробки эфирных масел, которые сама не в состоянии сбыть даже по себестоимости. Еще до сегодняшнего уведомления о превышении лимита (разумеется, ошибочного!) Челси волновалась, что сняла в этом месяце со счетов куда больше, чем позволяет ее строго оговоренный бюджет, и, когда Дэвид обнаружит это, будет... плохо.

И ужаснее всего: эта попытка стать предпринимателем показала, что большинство ее «друзей» в интернете на самом деле вовсе ей не друзья. Ни лайков, ни репостов, ни покупок, ни отзывов! Ее посты просто игнорировались. Единственная опора — онлайн-группа таких же, как она, отважных мам, где можно писать только слова поддержки. Порой Челси мучает вопрос: ощущают ли все остальные участницы сообщества ту же чудовищную усталость, отрезанность от мира и тотальное одиночество?

Подразумевалось, что этот маленький бизнес поможет ей прийти в себя, — но неприятностей стало вдвое больше.

«Соберись, тряпка!» — твердит она себе самой. — Это всего лишь масло!»

Эта мысль тоже не слишком утешает.

Она зарывается пальцами в волосы — с каждым годом они все сильнее походят на материнские, а ее стилисту все

чаще приходится закрашивать седину (процедура эта носит какое-то французское название, что увеличивает стоимость окрашивания вдвое). За панорамным окном сверкает бассейн, но, увы, нельзя с разбегу прыгнуть в него — ведь прическа превратится в соломенный стог, а идеальный цвет неизбежно потускнеет. Челси окидывает взглядом деревянные стены, гранитные полы, винтажные лампочки, диванные подушки цветов сезона. Все идеально. Все *неправильно*.

Даже белоснежная собака, сопящая на такой же белой (в тон) собачьей кровати, — бесшерстный бишон-фризе по имени Олаф, и стоил он больше, чем первая машина Челси, ведь Дэвиду невыносима была даже мысль о собачьей шерсти, которая непременно будет собираться комками по полу. Бедный, милый Олаф! Он так боится хозяина, что большую часть времени проводит, прячась в кладовых и гардеробных. Этот идеальный Олаф принес в их жизнь массу врожденных неврозов, нервного тьяканья и внезапно возникающих луж мочи.

Такой большой, просторный дом, полная противоположность убогих квартир, в которых росла Челси. Он должен радовать глаз, но стены давят на нее бесконечной лавиной забот: одни вещи надо гордо выставить напоказ, другие спрятать от чужого взгляда — все должно работать идеально. Ей и в голову не приходило, что гигантский дом будет ощущаться тесной ловушкой.

Челси наливает себе еще чашечку кофе (который едва ли справится с ее глубоким волнением), и в этот момент раздастся звонок в дверь. Напряжение окутывает ее целиком. Она просматривает настенный календарь: внизу, возле дат, — никаких пометок, наверху — сплошь фотографии членов семьи в одинаковых накрахмаленных белых рубашках. Никто не должен прийти работать по дому, доставку она тоже не ждет. Из-за «Дрим Виталити» и Дэвида большинство ее старых друзей держатся на расстоянии — стало быть, звонку может быть только одно объяснение. Ноги несут Челси прочь из просторного фойе в прачечную: окна там расположены слишком высоко, так что с улицы не разглядеть, что она

прячется внутри. Дверь гаража заперта. Ничто не выдаст ее присутствия.

И тут смартфон в руке вибрирует, и на экране высвечивается сообщение: *«Я знаю, что ты дома»*.

Прачечная отпадает. Вернувшись на кухню, Челси залпом допивает кофе и с силой ставит серую керамическую кружку на стол, да так, что светлая жидкость выплескивается через край, прямо на черный гранит. Она спешно забегает в огромную ванную, расчесывается, подкрашивает губы. Тушь потекла, но совсем чуть-чуть, и голубые глаза кажутся еще шире — Челси по очереди прикладывает салфетку к нижним векам. На рубашке обнаруживается крошечное кофейное пятнышко, поэтому она надевает другую и вставляет в уши бриллиантовые серьги. Среднего размера: не настолько маленькие, чтоб казались повседневными, но и не огромные, которые выдали бы излишнее старание.

Стук в дверь, такой легкий и веселый.

Тук-тук-тук.

«Это всего лишь я, твой маленький старый друг, — словно говорит этот стук. — Это крошечный дружеский визит».

Будь у злостного нарциссизма руки, он стучал бы именно так.

Зная, что если она не поторопится, то за стуком последует шелест откинутого коврика у входа, а за ним скрежет поворачиваемого в замке запасного ключа, Челси перескакивает по керамическим плиткам, приникает к глазку, чтобы убедиться, — и открывает дверь. На лице у нее улыбка из тех, с которыми небольшие шимпанзе встречают более крупных особей за секунду до того, как им оторвут конечности.

— Что-то долго ты, — вместо приветствия произносит Патрисия Лейн и улыбается Челси правильной и вежливой улыбкой, как у крупной первобытной обезьяны, которая непременно свалит вас ударом от бедра. — На улице градусов тридцать, и это в апреле! Повезло, что я не растаяла прямо на пороге.

«Ведьмы тают под дождем, а вовсе не на солнце, — думает Челси, но ничего не говорит вслух. — А ты всю жизнь прожи-

ла в Центральной Флориде, и если местный климат тебе не по душе, то тебя никто не держит». Как и в разговорах с Дэвидом, возражения только усугубят ситуацию.

— Привет, мам. Заходи.

Никаких объятий, никаких наигранных воздушных поцелуев и определенно никаких поцелуев настоящих.

Их никогда и не было.

Патрисия поправляет кардиган, небрежно завязанный узлом поверх шелковой блузки, и бросает взгляд свысока на единственную дочь, прежде чем прорваться мимо нее в холл.

— Я не вампир, дорогая, я часть семьи. Мне всегда рады!

Если начистоту, Челси готова признать, что мать выглядит скорее как ее старшая сестра. Волосы более светлые, лицо загорелое и все еще почти без морщин, всегда одета с иголки, а фигура подтянутая до такой степени, что они могли бы обмениваться одеждой (если б только сошлись во вкусах). Бриллианты в ушах, на пальцах и запястьях даже не твердят: «*Я подходящего размера*»; нет, за малейшее сомнение в этом они в высшей степени деликатно порвут вас на части, после того как в покровительственной манере растолкуют шкалу Мооса*. Мать Челси, по словам Дэвида, «прилагает все усилия».

Пока Челси запирает дверь, Патрисия неторопливо оглядывает люстру, приподняв идеальную бровь.

— Дорогая, не забывай напоминать им, чтоб как следует протирали пыль, — с оттенком грусти в голосе говорит она. — Спустишь клинингу хоть какую-то мелочь сегодня, так завтра они перестанут протирать плитусы, а послезавтра обнаружишь пропажу наличных. Протянешь руку — отгрызут по локоть.

Челси бросает взгляд на люстру, но никакой пыли не видит.

*Шкала Мооса — десятибалльная шкала относительной твердости поверхности минералов. *Здесь и далее примечания редактора.*

— Так что ты хотела? — спрашивает она, надеясь, что дружеский визит не затянется. Она старается сохранять вежливость, но при этом не нарваться на очередную лекцию.

Патрисия перестает инспектировать семейные портреты на наличие подтеков от влажности и впивается взглядом в Челси. Она даже хмурится идеально, без малейшей морщинки на тотально затонированной коже.

— Разве матери нужна причина, чтобы навестить дочь? — интересуется она с обидой в голосе. — Я не могу просто проявить участие к твоей жизни?

Челси улыбается до зубного скрежета.

— Разумеется, можешь. Что хочешь обсудить? У Эллы и Бруклин в школе все хорошо.

Патрисия глубоко и крайне обиженно вздыхает и берет курс на кухню. Там она снимает с крючка чистую кружку, хмуро глядит на ее дно и вытирает его кухонным полотенцем, прежде чем налить себе кофе. Прикрыв глаза, она делает глоток, секунду медлит, а потом кривится.

— Кофейные бобы пережарены. Сто раз тебе говорила: нельзя покупать что попало и где попало!

Челси предъявляет пакет премиального кофе, купленного за двадцать долларов в специализированном магазине.

— Вовсе не «где попало».

Вместо того чтобы взять пакет в руки или даже посмотреть на него, Патрисия отмахивается от Челси — так иные матери отмахиваются от своих малышей, когда те перемазаны чем-нибудь.

— Значит, покупаешь не тот сорт. Ох уж это ваше поколение! Ну просто слов нет!

Она скользит по кухне взглядом ищейки в аэропорту. Челси едва успевает осознать ошибку, но глаза у матери уже загорелись, а на губах заиграла хищная улыбка: она перешла к делу.

— О! — с этим возгласом Патрисия ставит кружку и неторопливо приближается к деревянному ящичку, который все еще стоит на кухонном столе. — Ты еще не бросила этот свой... бизнес? — Патрисия наугад извлекает одну из буты-

лочек, надламывает печать и нюхает масло, пока Челси болезненно морщится. — Тьфу! «Воровское масло»*? Пахнет как дешевое Рождество в магазине «Всё за доллар». Люди в самом деле платят за это?

Челси может наизусть перечислить ингредиенты, способы применения и преимущества смеси эфирных масел, но все сведется к тому, что этот простой поворот колпачка обошелся ей в двадцать долларов. И это было проблемой еще до сегодняшнего письма из банка.

— В самом деле. Пятьдесят долларов за штуку, — она вытаскивает бутылочку из тонких длинных пальцев Патрисии, закрывает и ставит обратно в ящичек. — Просто нарасхват. Кстати, именно благодаря этим маслам никто из нас не болел гриппом этой зимой. Говорят, помогает даже болеющим затяжным ковидом.

Патрисия морщит нос, отчего обретает неуловимое сходство с французским бульдогом.

— Ну что ж, я бы не рассчитывала, но вам, миллениалам, нравится верить во всякую чепуху — например, в волшебное змеиное масло, которое избавит вас от необходимости работать.

Патрисия снова берет чашку и делает глоток, смотря на задний двор. Взгляд у нее слегка затуманенный, будто они в рекламе и сейчас заведут разговор по душам о том, что в этой жизни им не хватает свежести. Челси мысленно радуется тому, что дворники сегодня пришли пораньше и уже собрали на заднем дворе упавшие ветви.

— Знаешь, Челси, я всерьез беспокоюсь за тебя. У тебя идеальная жизнь, у тебя есть всё, но ты вечно возишься с какими-то... *предприятиями*. Тот онлайн-университет, который ты, кажется, совсем забросила. Собственный блог... А помнишь, ты хотела написать книгу — но и это ни к чему не привело! Ты делала маски для лица, а теперь эти вот

*«Воровское масло» (или «Масло четырех воров») — традиционная смесь эфирных масел: гвоздики, лимона, корицы, розмарина и эвкалипта, используемая для массажа, ингаляций, ароматерапии.

масла... Я боюсь, что это обернется очередным разочарованием. Женщина должна искать счастья в семье, а не в своих... экспериментах.

Челси разжимает стиснутые кулаки, прежде чем и эта деталь попала под пристальное внимание. Если б женщину кормило семейное счастье, то ее мать давно усохла бы до состояния скелета: участие в делах семьи Патрисия забросила, едва родив Челси (вероятно, не выдержав навалившихся на нее трудностей). Теперь она появлялась в жизни дочери, только имея на уме какой-то план или желая поточить о нее свои когти.

— Мне нужно чем-то заниматься, мам. Девочки в школе, а я не из тех, кто сидит на месте.

На лице у Патрисии отражается нечто, похожее на жалость. Она ставит чашку с кофе на стол, подходит к дочери, проводит рукой по ее волосам, как бы пытаясь аккуратно уложить их, и вздыхает, когда это не удается сделать. У Челси по коже бегут мурашки, но она знает, что лучше не дергаться.

— Раз у тебя энергии через край, так направь ее на себя. Сделай прическу, займись фитнесом или йогой. Загляни в спа-салон. Разберись вот с этим, в конце концов. — Она холодным пальцем постукивает Челси по лбу. — Мой врач просто гений. Диетические коктейли в наши дни можно сравнивать с молочными, они такие вкусные!

От ярости у Челси краснеет шея, наливаются щеки и лоб. На мгновение в ее голове проносится картина того, как она обхватывает длинный тонкий палец матери и переламывает его, точно карандаш. Мысли в голове сталкиваются: *«Если у нас один размер, то почему мне нужно больше заниматься фитнесом?»*, и еще *«Обрести независимость — куда важнее, чем притворяться, что я вдвое моложе своих лет, не то, чтоб ты могла это понять, мама»*, и наконец *«Выйди я за мужчину вдвое старше себя, чтобы разбогатеть, вероятно, я тоже могла бы позволить себе такое самодовольство»*. Однако истинный смысл претензий матери Челси кроется в том, что эти претензии никоим образом не касаются Челси, — и ей

это прекрасно известно. И снова: если сопротивляться, если возражать — будет только хуже.

— Может, и стоит, — отвечает Челси. — Я о йоге. Спасибо за заботу, мама.

Патрисия прикрывает глаза и чуть пожимает плечами, словно впитывая этот тусклый комплимент. Смешнее всего, что Челси помнит, как мать говорила и вела себя, будучи бедной. До того, как нацелилась выйти за богача и отбросила южный акцент и привычку орать на людей, которые не делали то, что ей хочется. Патрисия 2.0 — это собственное творение матери, ее маленький... эксперимент. И, черт возьми, он сработал.

— Я лишь хочу, чтоб у тебя все было хорошо, дорогая. Всегда хотела. Ты должна позаботиться о себе. Ради детей. — Патрисия косится на семейный календарь, пестрящий фотографиями Эллы и Бруклин на пляже, и хмурится. — Когда это вы ездили? Не помню, чтобы ты меня приглашала.

Но прежде чем Челси успевает ответить, взгляд Патрисии цепляется за письмо из банка. Она хватается за него и читает с той же жадностью, как и журналы со светскими сплетнями, которые прячет под раковиной в ванной и притворяется, что ненавидит. Мать судорожно вдыхает, прижав руку к груди.

— Челси, что это такое? Превышен лимит?!

Скрипя зубами с такой силой, что становится боязно за коронки, Челси выдирает бумагу из рук матери и, складывая, засовывает в задний карман джинсов.

— Ничего такого, это просто ошибка. Дэвид со всем разберется.

Патрисия по-лисьи облизывает губы и, сделав шаг, кладет тонкие руки на плечи Челси. Ее излюбленный аромат — лилии и еще какие-то ядовитые белые цветы — забивается в рот, в нос, Челси хочется согнуться пополам и плевать.

— Дорогая, — важно и одновременно с жалостью говорит мать. Глаза у нее широко распахнуты, как у испуганной невинной овечки. — Если у вас проблемы, ты можешь всё мне рассказать.

«Помогать тебе, конечно, я не стану, но ты должна мне все рассказывать», — мысленно продолжает Челси.

— Мы в порядке, мам. — Челси невинно пожимает плечами и пытается улыбнуться. — Оглянись: у нас все хорошо.

Патрисия оглядывается с такой опаской, будто дом вот-вот рухнет ей на голову.

— Ну тогда... Уверена, Дэвид знает, что делать. Мне надо бежать. Весь день расписан, ты знаешь, как это бывает...

Пока мать идет к дверям, мимоходом проводя пальцем по мраморной облицовке стен и хмурясь, Челси думает о том, что будь у нее сердечный приступ, она ни за что в жизни не догадалась бы об этом. Стесненное дыхание, боль в груди, внезапный жар, онемение в пальцах — все это симптомы пребывания в одной комнате с Патрисией Лейн, причем неважно, как долго она рядом. Слава богу, на праздники мать уезжает в свои апартаменты на Внешние отмели — ведь от детей у нее начинается мигрень. Интересно, не грустно ли ей? Не одиноко ли праздновать Рождество в прекрасно обставленном, но абсолютно пустом пляжном домике, пока ее последний муж играет в гольф? Разумеется, Челси никогда не спросила бы о таком вслух — чего доброго, мать может начать отвечать.

— Спасибо, что заглянула, — говорит Челси напоследок.

Патрисия оборачивается. Она хмурится: лоб рассекает одна-единственная элегантная и непокорная морщинка.

— Что-то я тебе хотела сказать, но никак не могу вспомнить, что именно... Не старей, дорогая! У меня не память, а сплошное решето.

Челси выдавливает улыбку-гримасу в знак понимания и распахивает дверь.

— Ты всегда можешь написать мне, мам.

Патрисия выходит на улицу, залитую солнцем, томно прикрывая глаза рукой.

— Мессенджеры — это так бездушно! Не понимаю, как вы, молодые, заменяете ими теплоту личного общения?

На это отвечать уж никак нельзя, так что Челси жизнерадостно машет:

— Пока, мам!

Та кивает, разворачивается на маленьких каблучках своих туфель-лодочек, идет по тротуару к машине и останавливается на полпути.

— Я вспомнила! — вскрикивает она, не утруждаясь тем, чтобы вернуться. — Это было в новостях! Какой-то новый вирус, но не ковид. Люди ведут себя странно, проявляют Ярость. В каком-то магазине был инцидент... Человека до смерти забили бутылкой с соусом «Тысяча островов», представляешь?

Челси не намерена отступать: мать почти ушла и сейчас важно не дать ей ни малейшего повода задержаться.

— Буду следить за новостями и избегать продуктовых магазинов. Всё поняла. Спасибо, мам!

Патрисия делает к ней шаг, в глазах у нее неожиданная мольба.

— О нет, дорогая! Не ходи именно в *этот* магазин... Посмотри в интернете, как он называется, почитай про это. Может, стоит надеть маску... Будь осторожна! Ради детей.

«Ради меня» — вот что она имеет в виду.

Не то чтобы мать любит Челси, но смерть — это такое утомительное бремя. Потеря первого мужа была «такой неудобной» (именно так Патрисия выразилась), особенно с учетом того, что все наследство он отписал в пользу детей, а ей пришлось искать нового мужа, побогаче (да еще и второпях, ведь приближался гала-концерт в загородном клубе!). Если что-то случится с Челси или ее дочерьми, то Патрисия рискует пропустить, к примеру, поход в парикмахерскую.

Рассказав наконец-то, что планировала, Патрисия снова разворачивается и торопится сесть в свой изящный белый седан.

Она не машет на прощание, но, уходя, топчет недавно посаженные бегонии.

2.

Глядя в зеркало заднего вида, Патрисия проверяет макияж и решает, что следующий подарочный набор из «Эсте Лаудер»